

Заключение

Поступательному демографическому развитию России должна способствовать адекватная социально-демографическая, семейная и миграционная политика, которая, в свою очередь, должна опираться на развитие фундаментальных знаний, включающих прежде всего глубокие познания о долговременных тенденциях в демографических и миграционных процессах как в самой России, так и в глобальном мире. Воспроизводство численности и структура населения, создание и прекращение брачных союзов, рождаемость, планирование семьи и репродуктивное здоровье, смертность и продолжительность жизни, внутренние и внешние миграции, т.е. все главные демографические процессы, далеко не всегда рассматриваются российским экспертным сообществом в широкой исторической перспективе и в соответствующем сравнительном международном контексте. Углубленные исследования современных тенденций на фоне более долговременной эволюции российской демографической системы чрезвычайно редки в отечественной литературе.

Нетрудно заметить, что в последнее десятилетие произошли некоторые перемены в российской демографической ситуации, которые вызвали широкий отклик и у политиков всех ветвей власти, и в широких кругах экспертов. Печатные и электронные средства массовой информации, естественно, также не остались в стороне, и едва ли можно зафиксировать хотя бы один день без публикаций на демографические сюжеты, что, по всей видимости, беспрецедентно в отечественной истории. Эти перемены, как правило, ассоциируются с усилением демографической политики государства, произошедшим после 2005 г., с последующим непрерывным развитием как самой системы мер, так и с расширением их финансового обеспечения на федеральном и региональном уровнях.

Действительно, можно обнаружить обнадеживающие тенденции в рождаемости и смертности. В миграционной политике также отчетливо видны перемены в направлении, сближающем ее подходы с теми, которые разделяются развитыми странами, что поло-

жительно сказывается и на качестве учета мигрантов разного типа, и на регулируемости объемов и направленности миграционных потоков.

Несмотря на очевидные положительные сдвиги, выявляемые на коротком историческом отрезке времени, выводы о долговременном характере результатов демографической политики делать пока преждевременно. Также пока немного оснований, чтобы строить далеко идущие оптимистические демографические прогнозы. Особенно очевидными становятся сомнения демографов при комплексном рассмотрении текущей демографической ситуации и траекторий ее изменения в более-менее отдаленной исторической ретроспективе. Задача проекции демографических сдвигов последнего десятилетия на вектор более глубоких, фундаментальных, долговременных перемен в российской демографической системе и решалась в нашем комплексном исследовании, представленном выше.

Наше исследование позволило прийти к целому ряду важных выводов, которые мы представим в соответствии со структурой изложения, принятой в докладе, т.е. отдельно по основным рассмотренными нами процессам.

Численность и размещение населения. Численность населения России, согласно официальным оценкам Росстата, продолжает увеличиваться шестой год подряд, причем четвертый год — за счет не только положительного миграционного прироста, но и прекращения естественной убыли, продолжавшейся долгие два десятилетия. На начало 2016 г. численность российского населения составила с учетом Крымского федерального округа 146,5 млн, без учета Крыма — 144,2 млн, что означает рост в сопоставимых границах на 1% по сравнению с точкой локального минимума (142,7 млн на начало 2009 г.).

Несмотря на сложившуюся в последние годы тенденцию умеренного роста и довольно заметный отрыв от стран с меньшим населением, Россия неизбежно продолжит отставать от мировых лидеров по численности населения, уступая позиции другим крупным странам с быстрорастущим населением. Более того, неизвестно, сохранится ли вообще рост населения России в ближайшей перспективе. Ответ на этот вопрос во многом зависит от понимания природы этого роста.

Рассматривая долговременные тенденции изменения численности населения России, необходимо иметь в виду, что она трижды подвергалась довольно значительным корректировкам. Две из них были связаны с необходимостью учета расхождений между данными текущего учета движения населения и данных Всероссийских переписей населения (ВПН) 2002 и 2010 гг., в результате чего официальная численность российского населения увеличилась в целом на 2,8 млн человек, третья — с увеличением численности населения после вхождения Крыма в состав Российской Федерации (более чем на 2 млн). Кроме того, неоднократно вносились изменения в правила учета миграции, которые расширяли критерии миграции на постоянное место жительства (наиболее значительные — в 2007 и 2011 гг.) и приводили к увеличению учитываемого миграционного прироста. Таким образом, столь воодушевленно воспринимаемый общественным мнением рост населения России на поверку оказывается в решающей степени продуктом процедур статистических коррекций, а не результатом далеко идущих изменений в демографических и миграционных тенденциях.

Даже в соответствии с более чем оптимистичными официальными прогнозами Росстата, принимающими достигнутые успехи демографической политики как долговременные, шансы на увеличение численности населения к 2030 г. весьма призрачны. Прогнозы ООН для России, которые рассматриваются подробно в специальном разделе, рисуют еще менее радужные перспективы роста населения, несмотря на неоднократный пересмотр прогнозных сценариев для рождаемости, смертности и миграции, в том числе и в положительную сторону. Главная причина пессимизма экспертов ООН — не только в более спокойном отношении к российским достижениям в области повышения рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни, но и в принимаемых ими намного более низких величинах миграционного прироста. Вопрос с миграционным приростом населения России является критическим с точки зрения возможной динамики общей численности населения и весьма существенным с точки зрения изменения его возрастного состава.

В то же время тенденции изменения численности населения заметно различаются по регионам России. В большинстве российских регионов (61%) население продолжает сокращаться. В то же

время в некоторых регионах Центра и Юга оно довольно быстро увеличивается за счет высокого миграционного или естественного прироста. Население Приволжья продолжает уменьшаться за счет как естественной, так и миграционной убыли умеренной интенсивности. Население Дальнего Востока продолжает убывать за счет интенсивного миграционного оттока. Увеличение населения за счет обоих компонентов роста отмечалось лишь в 13 регионах, причем если в одних ведущую роль играл естественный прирост (в Республике Ингушетия, Ханты-Мансийском автономном округе — Югре и Ненецком автономном округе), то в других регионах — миграционный прирост (в Санкт-Петербурге, Тюменской области без автономных округов, Москве и Новосибирской области). Наиболее драматично ситуация складывается в регионах, в которых сокращение численности населения происходит за счет и естественной, и миграционной убыли (23 субъекта РФ). Преимущественно за счет естественной убыли уменьшалось население Тверской, Ивановской, Владимирской, Тамбовской, Орловской областей и Республики Мордовии, преимущественно за счет преобладающего миграционного оттока — население Магаданской, Еврейской автономной, Курганской, Архангельской и Амурской областей.

Специальным Указом Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 в качестве особой группы статистического наблюдения была выделена совокупность территорий в Арктике, к которой были отнесены Мурманская область, Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Чукотский автономные округа полностью, а также отдельные муниципальные образования Архангельской области, республик Коми и Саха (Якутия), Красноярского края. Общая численность населения, проживающего в выделенной зоне, составляет чуть менее 2,5 млн человек. Ожидается, что в обозримом будущем к «арктической» совокупности территорий присоединятся отдельные муниципалитеты, как минимум, республик Карелия и Якутии, Красноярского края. Если кратко охарактеризовать демографическую ситуацию в Арктической зоне, то следует отметить, что ее совокупная численность населения сокращается и довольно высокими темпами (за один 2015 г. — почти на 0,6%), что свидетельствует о ее неопределенном демографическом будущем. Главная причина сокращения численности — миграционный отток (внутри- и медре-

гиональный), который не компенсирует слабенький прирост за счет международной миграции. Различия в остальных процессах — смертности и рождаемости — от населения России в целом несущественны для оценки перспектив развития этой зоны.

Брачность и разводимость. В начале 2000-х гг. начался очередной этап повышения общих показателей брачности, который с некоторыми перепадами поддерживался вплоть до 2012 г. За десятилетие роста и число браков, и общий коэффициент брачности, и коэффициент суммарной брачности вернулись к уровню рубежа 1980–1990-х гг. Напрашивается вывод о компенсаторной динамике брачности в первом десятилетии 2000-х гг., которая ассоциируется с периодом политической и экономической стабилизации, наступившей после конъюнктурного обвала в трудные переходные времена 1990-х гг.

Общее число браков увеличивалось за счет не только первых, но и повторных браков, темпы роста которых иногда даже были выше, чем у первых браков. В итоге вклад повторных браков в общее число заключаемых браков достиг исторически рекордных значений для России — 29–30%. Если сравнивать с 1970-ми и 1980-ми гг., то можно считать, что официально зарегистрированные повторные браки сегодня полнее компенсируют союзы, распадающиеся вследствие разводов и овдовения.

В самые последние годы вновь обнаружилось снижение числа зарегистрированных браков, и общее число браков в 2015 г. уже стало ниже, чем фиксировалось в 2007 г. Снижение числа повторных браков оказалось менее заметным. Нет никаких сомнений, что Россия вступила в полосу длительного снижения числа заключаемых браков, и в первую очередь первых по порядку, обусловленную особенностями возрастной структуры населения — численность молодежных групп быстро снижается.

Установившаяся с середины 1990-х гг. величина коэффициента суммарной брачности для первых браков на уровне 0,7–0,8 говорит о том, что при наблюдаемой интенсивности заключения браков можно ожидать, что примерно 20–30% мужчин и женщин к 50 годам не вступят в брак. По сравнению с поздним «советским периодом» доля «окончательного официального безбрачия» увеличилась, как минимум, на 10 п.п., причем у мужчин она и была выше, и стала еще выше, чем у женщин.

В то же время для сельских женщин в России интенсивность заключения браков остается еще очень высокой — коэффициент суммарной брачности демонстрирует аномальные значения. Так, для первых браков в 2011, 2013 и 2014 гг. показатель для сельских жительниц превышал единицу, а в 2012 был очень близок к ней (0,966), чего не может быть для реальных поколений людей, родившихся в том или ином году, — первый брак может быть заключен в жизни только один раз. Приближение его к единице свидетельствует как о сильных тенденциях в пользу более ранних браков у сельских женщин, так и об очень высокой активности сельских жителей разных возрастов в заключении браков в последние годы. Нечто подобное уже имело место в России в 1970-х — первой половине 1980-х гг.

Тенденция откладывать браки на более поздний возраст (и даже отказываться от их официальной регистрации), характерная на сегодняшний день для всех развитых стран, более отчетливо наблюдалась в городском населении России, чем в сельском. Сельское население, разделяя с городским те же тенденции, оставляло за собой и более высокую интенсивность заключения браков, и более традиционный, более молодой состав женихов и невест. Различия в возрастных профилях брачности между городским и сельским населением остаются в России ярко выраженными, в особенности для женщин, вступающих в первый брак.

По-видимому, в более благоприятных экономических условиях первого десятилетия 2000-х гг. мы наблюдали, прежде всего в сельском населении, ускоренную реализацию отложенных браков в старших поколениях (и соответственно в поздних возрастах), которая, с другой стороны, сопровождается сохранением достаточно высокой интенсивности заключения браков в молодом возрасте, все еще характерной для сельских окраин, но главным образом для национальных республик и автономий. Поэтому неудивительно, что интегральные показатели брачности для условных поколений в России столь высоки. Однако длительное поддержание их на таком уровне едва ли реально, и можно ожидать их снижение в самом ближайшем будущем.

Собираемая статистика Росстата о зарегистрированных бракоразводных событиях скудна, неполна и ненадежна. Напомним, что в 1997–2010 гг. статистическими органами не разрабатывались

данные о детальном возрасте разводящихся супругов, о разводах по продолжительности брака, по очередности брака, по числу совместных детей к моменту развода. В 2011 г. прежние статистические формы были возвращены в оборот. Однако остаются серьезные проблемы с данными. Так, сохраняется недопустимо высокое число разводов у «лиц неизвестного возраста». В 1980-х — начале 1990-х гг. не более 2% мужчин и женщин не были распределены по возрасту, а в 2015 г. число разводов, не распределенных по возрасту бывших партнеров, составляло огромную цифру — 198 тыс. у мужчин (32,8% от общего числа разводов) и 93,2 тыс. у женщин (15,4%). Объясняется весьма необычное явление просто — критически выросло и остается на недопустимо высоком уровне число российских территорий, не предоставляющих информацию о возрасте разводящихся. Имеются и другие регистрационные причины, которые подробно излагались нами в предыдущих докладах.

Базируясь на имеющихся в распоряжении исследователей официальных статистических данных и данных выборочных исследований (в частности, РидМиЖ), мы можем утверждать, что ожидаемая доля мужчин и женщин с опытом развода в течение жизни с учетом повторности будет несколько ниже 60%, но, видимо, никак не ниже 50%. Интегральный показатель разводимости, учитывающий продолжительность расторгнутых браков, свидетельствует о том же — при текущей интенсивности разводов 51–52% заключаемых сегодня браков когда-либо распадется.

Увеличивалась ли в последние десятилетия доля мужчин и женщин, переживших развод, сказать сложно, учитывая неполноту, качество данных и прерывистость их динамических рядов. Скорее всего, тенденция увеличения от поколения к поколению числа лиц, имевших опыт развода, сохраняется. Для переживших развод это событие происходит в более позднем возрасте, чем прежде, что связано главным образом с повышением возраста заключения брака, о чем говорилось выше. Ожидаемый возраст развода в 2011–2015 гг. для мужчин был выше 39 лет, для женщин — не ниже 35 лет, что более чем на один год выше, чем в 1970–1990-х гг.

Несмотря на то что в последние десятилетия очевидный тренд изменения уровня разводимости не прослеживается, можно все-таки констатировать, что по сравнению с более отдаленным

прошлым стабильность брака заметно снизилась: для 1970–1980-х гг. ожидаемый риск развода был в 1,5–2 раза ниже и составлял 30–40%. В то же время средняя длительность расторгнутого союза за многие десятилетия практически не изменилась и колеблется вокруг 10 лет.

Важной российской тенденцией последнего десятилетия можно считать снижение доли распавшихся союзов с совместными детьми до 18 лет. Если в 1980-х и 1990-х гг. более 60% всех разводов были с совместными детьми, то в 2012–2015 гг. этот показатель составлял 39–41%.

Международные сравнения, которые возможны благодаря сравнительным выборочным исследованиям, проведенным по унифицированной программе (например, три волны РидМиЖ в 2004, 2007 и 2011 гг. являлись частью большой международной программы ЕЭК ООН «Поколения и гендер»), свидетельствуют как о схожести тенденций в развитых странах, которые разделяет и Россия, так и о специфических особенностях, которые нельзя игнорировать. Так, во всех странах происходит увеличение среднего числа партнеров (как сожителей, так и официальных супругов) в течение жизни, постепенное снижение доли людей, вступающих когда-либо в зарегистрированный брак, повышение доли условно одиноких (не имевших опыта проживания с партнером в сожительстве или зарегистрированном браке), снижение числа вторых официальных браков, вытесняемых альтернативными формами бракоподобных союзов. Эти изменения заметнее в странах Западной (Австрия, Германия, Италия, Франция) и некоторых странах Центральной (Чехия, Литва) Европы. Они менее заметны в Венгрии, Нидерландах, Болгарии и Грузии. Россия занимает промежуточную позицию, лидируя только по такому показателю, как средняя доля тех, кто прошел через развод к моменту опроса.

Рождаемость и планирование семьи. В 1999 г. число живорождений в России достигло исторического минимума — 1214,7 тыс. (без учета рождений в Чеченской Республике, в которой демографические события в те годы не регистрировались в установленном порядке). В 2000–2014 гг. число рождений в России увеличивалось (исключение — 2005, 2013 гг.). Сопоставимое число живорождений в 2014 г. — 1880,5 тыс. (т.е. без рождений в Чеченской Республике) — стало намного больше, чем в 1999 г.: на 665,8 тыс., или

54,8%. С учетом рождений в Чеченской Республике, но без Крымского федерального округа число родившихся в 2014 г. составило 1913,5 тыс., что лишь совсем немного ниже, чем фиксировалось в 1990 г. (1988,9 тыс.). Однако в 2015 г. произошло снижение рождений, и сопоставимое с предыдущими двумя числами значение составило 1911,0 тыс. В 2016 г. снижение продолжилось, и есть все основания полагать, что в 2017 г. темпы снижения будут нарастать.

Изменение числа рождений обычно справедливо связывают с меняющимся числом вновь создающихся брачных пар и со сдвигами в брачной структуре населения. При этом исходят из того, что лица, находящиеся в браке, традиционно более склонны к рождению детей. В последние десятилетия в связи с массовым распространением супружеских союзов, не основанных на официальном браке (сожительств), жесткая связь рождаемости с тенденциями зарегистрированной брачности может быть поставлена под сомнение, на что, в частности, указывает динамика доли внебрачных рождений.

Снижение и рост общего числа рождений в России в послевоенное время сопровождались как ростом, так и снижением доли внебрачных рождений. В какие-то периоды изменения этих показателей были синхронными, а в какие-то — асинхронными, как, например, во второй половине 1990-х гг., когда число внебрачных рождений быстро увеличивалось, а общее число рождений снижалось.

В последнее десятилетие на фоне общего роста числа рождений в России мы наблюдаем сокращение доли детей, рожденных вне официального брака (2005 г. — 30,0%; 2014 г. — 22,7; 2015 г. — 21,8%). Абсолютное число внебрачных рождений в последние 15 лет варьировало от 354 тыс. в 2000 г. до 459 тыс. в 2009 г., а в 2015 г. оно составило 416 тыс. Среди новорожденных, родители которых при их регистрации не продемонстрировали брачное свидетельство, снижается доля тех, которые регистрируются по заявлению одинокой матери. Соответственно в общем числе родившихся увеличивается и доля брачных рождений, и доля детей с признанным отцовством. В последние годы доля рождений, зарегистрированных на основе совместного заявления, превысила долю рождений, зарегистрированных на основе заявления одинокой матери, что беспрецедентно в российской истории.

По сравнению с 1970 г., когда в России фиксировалось примерно такое же общее годовое число рождений, структура родившихся по статусу отношений между родителями существенным образом изменилась: доля внебрачных рождений сейчас выше в 2 раза, а среди внебрачных рождений преобладают не те, что родились у формально одинокой матери, а которые регистрируются на основе декларации о добровольном признании отцовства или его признании в судебном порядке.

Судя по имеющимся данным за 2011–2015 гг. (за более ранний период Росстат не располагает информацией), вклад семейных пар, в которых оба родителя — российские граждане, в общее число рождений в России остается стабильным — около 85%. Однако эта стабильность — видимо, временное явление. Рост числа рождений у родителей-иностранцев (оба родителя — неграждане РФ) быстро растет (более чем на 20% ежегодно в 2012–2014 гг. и на 10% в 2015 г.). Кроме того, высок прирост у достаточно многочисленной категории семей, в которых мать новорожденного — гражданка России, а отец — гражданин другого государства, а также в семьях, в которых отцы — граждане РФ, а мать — иностранки. Несмотря на то что в общем числе рождений, зарегистрированных на территории России, доля иностранных граждан хотя и растет, но пока невелика, в ежегодных приростах родившихся вклад родителей, не являющихся гражданами России, более чем значим. В 2012 г. вклад иностранных граждан в положительные значения прироста рождений у лиц с указанным гражданством составил 12%, в 2013 г. — 100% (в этот год сокращались рождения, у которых и мать, и отец — российские граждане), в 2014 г. — 29, в 2015 г. — 65%.

Показатель итоговой рождаемости, не зависящий от половозрастной структуры населения, — коэффициент суммарной рождаемости (число рождений в расчете на одну женщину условного поколения, КСР) — говорит о том, что в России в 1999–2015 гг. (кроме 2005 г.) наблюдался поступательный рост интенсивности деторождения, отозвавшийся и некоторым увеличением показателя итоговой рождаемости для реальных поколений (ИРП).

За последние 50 лет Россия пережила несколько волн активности государства в области семейной и демографической политики: в первой половине 1970-х гг., в 1980-х гг. и после 2005 г. Каждая

попытка государства улучшить ситуацию с рождаемостью находила незамедлительное отражение в изменениях конъюнктурного показателя, которым является КСР. В то же время в характере динамики показателя ИРП, который призван отражать истинный уровень рождаемости поколений, если меры политики и сказывались, то, очевидно, в очень слабой форме.

Не является исключением и последний случай, связанный с реализацией Концепции демографической политики на период до 2025 г., принятой в 2006 г. и прямо направленной на стимулирование рождаемости. Несмотря на кажущийся выдающимся рост КСР с 1,3 рождения на одну женщину в 2006 г. до 1,78 в 2015 г., увеличение итоговых показателей рождаемости для реальных поколений оказывается куда как более скромным: с 1,60 рождения для женщин, родившихся в конце 1960-х — первой половине 1970-х гг., до ожидаемых 1,75 в среднем на одну женщину первой половины 1980-х годов рождения. Кроме того, можно выразить серьезное сомнение в том, что даже этот небольшой прирост ИРП можно целиком отнести на счет проводимой политики.

Если взглянуть на подробную картину изменений коэффициентов рождаемости для однолетних возрастных групп женщин, то становится очевидным, что принятые в 2006–2007 гг. меры демографической политики, направленные на стимулирование рождаемости, с их дальнейшим развитием не оказали никакого влияния на рождаемость у женщин до 24 лет: она либо продолжала снижаться у самых молодых женщин, либо, как в возрастах 22 и 23 года, колебалась вокруг одного уровня. Если бы не относительный провал в значениях коэффициентов в 2005–2006 гг., то едва ли можно было заподозрить какое-либо ускорение в росте коэффициентов рождаемости у женщин старше 25 лет под воздействием новых мер демографической политики, введенных в действие в 2007 г. Практически линейный тренд дружного увеличения показателей для женщин всех возрастов старше 24 лет наблюдался с 2000 г., а для 30-летних женщин рост обозначился еще раньше — в середине 1990-х. Эволюционная составляющая трансформации возрастной модели рождаемости в России явно преобладала над конъюнктурными моментами, и пронаталистская политика играет в новейших тенденциях второстепенную роль, подавая дополнительные сигналы для продолжения и ускорения тех же процессов,

что и во всех развитых странах без исключения, — трансформации возрастной (тайминговой) модели рождаемости в направлении более позднего материнства.

Однако в самые последние годы увеличение среднего возраста материнства в России затормозилось, и в 2014–2015 гг. мы даже наблюдали снижение возраста матери при рождении вторых и последующих детей. При рождении первого ребенка возраст женщин пока еще продолжает увеличиваться, но ближайшие перспективы продолжения этой тенденции неочевидны, поскольку возраст вступления в брак тоже перестал увеличиваться, о чем также говорится в докладе. Пока еще рано говорить о том, что трансформация возрастного профиля материнства в России повернула вспять в сторону омоложения. Однако данный факт подтверждает, что происходит ускорение темпов формирования окончательного размера потомства в семьях и интервалы между появлением на свет детей в семьях сокращаются, особенно между первым и вторым ребенком. Можно предположить, что ускорению темпов деторождения способствовала близость завершения государственных программ материнского капитала и пособий для поддержки многодетных семей. Такое объяснение массовой практики представляется вполне логичным, хотя прямые эмпирические доказательства отсутствуют. Широко разрекламированное решение правительства о продлении программы материнского капитала, принятое в конце 2015 г., по той же логике должно ослабить воздействие на интенсивность появления очередного ребенка в семьях.

Итоговая рождаемость для поколений 1970-х и 1980-х годов рождения, очевидно, будет ниже итоговой рождаемости у их матерей, родившихся в 1950-х и 1960-х гг., что свидетельствует о продолжении исторической тенденции снижения рождаемости, которую пока не удастся переломить. Поколения, родившиеся в конце 1970-х — начале 1980-х гг. и достигшие к 2016 г. 30 и 35 лет, демонстрируют едва заметное улучшение показателей накопленной рождаемости, которое свидетельствует о некоторой стабилизации или даже о слабых признаках роста. В то же время накопленная фактическая рождаемость к сопоставимому возрасту у данных поколений более чем на 20–30% ниже, чем у поколений россиянок, родившихся в 1960-х гг. Близкий к итоговой рождаемости поколений показатель кумулятивной рождаемости к возрасту 40 лет, непре-

рывно снижавшийся у женщин, родившихся в конце 1950-х — начале 1970-х гг., в последние несколько лет обнаружил едва заметные признаки роста, однако его величина, равная 1,58 для женщин 1975 года рождения (последняя когорта, достигшая 40-летнего возраста к 2016 г.), как минимум, на 0,2 рождения ниже, чем была у их матерей, родившихся в конце 1940-х — начале 1950-х гг. Женские поколения 1980-х годов рождения уже не имеют никаких шансов своими показателями итоговой рождаемости вернуться к уровню, характерному для их матерей, рожденных в 1950–1960-е гг. (1,8–1,9 рождения на одну женщину). Им придется сильно постараться, чтобы достичь хотя бы уровня 1,7 рождения. Если это им удастся сделать, то можно будет зафиксировать, что снижение числа детей в российских семьях закончилось.

С другой стороны, сближение уровней рождаемости материнских и дочерних поколений — исторический факт, свидетельствующий, в частности, о завершенности демографического перехода к рождаемости, регулируемой на индивидуальном и внутрисемейном уровне, и утверждении двухдетной семьи в качестве желанной и наиболее распространенной модели. Если принять историческую вариацию длины поколения в интервале от 25 до 30 лет, то можно ожидать, что россиянки, родившиеся в 1970–1980-х гг. и завершающие сегодня деторождение, родят в среднем на 10% меньше детей, чем их «матери» 1940–1950-х годов рождения. Для сравнения: их «бабушки», родившиеся в первых десятилетиях XX в., произвели на свет наполовину меньше детей, чем их «прабабушки» — женщины, родившиеся на рубеже XIX и XX вв.

Анализ изменений структуры женщин, когда-либо родивших живого ребенка (т.е. без учета бездетных), по ожидаемому числу рожденных детей к концу репродуктивного периода свидетельствует, что при сохранении интенсивности рождений детей различных очередностей увеличение доли многодетных, наблюдаемое в последние 10 лет, не выглядит столь уж впечатляющим в ретроспективе трех десятилетий. Во-первых, во время введения новых мер семейной политики в 1980-е гг. прирост ожидаемой доли женщин с тремя детьми и более был примерно таким же, а сама доля достигла максимума в 30% в 1987 г., т.е. более высокого значения, чем сегодня, и на котором, правда, удержаться тогда не смогла. Во-вторых, достаточно плавная картина изменений после 1999 г.,

скорее, свидетельствует в пользу представлений о «компенсаторно-восстановительной» динамике структуры российской рождаемости по очередности рождений после возмущений, пережитых в 1980-х и 1990-х гг., нежели о радикальных подвижках, которые вызваны мерами демографической политики, принявшей открыто пронаatalистский характер во второй половине 2000-х гг.

Таким образом, уровень рождаемости, на котором мы сегодня фиксируем возможную стабилизацию, слишком низок, чтобы выйти из суженного режима замещения поколений. Дадут ли основания для более радужных перспектив поколения, рожденные в 1990-х гг., говорить пока еще слишком рано — большинство из них еще не достигло возраста максимальной интенсивности деторождения.

Итак, в российском обществе точка зрения о необыкновенном росте рождаемости в России чрезвычайно популярна. Она якобы свидетельствует о положительных результатах действия специальных пронаatalистских мер, принятых государством после 2006 г. В то же время мы не склонны поддерживать повышенный оптимизм, свойственный сегодня политикам, администраторам разного уровня и широко растиражированный СМИ. Некоторые положительные подвижки имеются, но значимость их совершенно недостаточна, чтобы смотреть на будущее рождаемости и воспроизводства населения в России с оптимизмом.

В течение всего советского периода высокий уровень искусственных абортов оставался серьезной проблемой общественного здоровья. Россия первой в мире легализовала аборт по желанию женщины. Не имея альтернативы в виде надежной контрацепции, семьи были вынуждены прибегать к прерыванию беременности. Максимальные показатели были достигнуты в середине 1960-х гг. В 1964 г. был зафиксирован рекордный уровень в 5,6 млн прерванных беременностей, или 169 в расчете на 1000 женщин в возрасте от 15 до 49 лет. За постсоветские годы России удалось существенно снизить уровень абортов и добиться значительных успехов в продвижении к более гуманному способу регулирования рождаемости. Уровень абортов снизился во всех возрастных группах женщин, при этом наибольшее снижение продемонстрировали самые молодые — до 20 лет. За 1991–2015 гг. коэффициент абортов в возрасте 15–19 лет сократился более чем в 7 раз, в возрасте 20–34 года —

в 4,2 раза и в возрасте 35 лет и старше — в 3,7 раза. По подростковым абортам Россия переместилась из числа лидеров в середину ранжированного ряда развитых стран; уровень подростковых абортот в Франции, Швеции, Эстонии, Великобритании, США в 2,0–2,5 раза выше, чем в нашей стране.

Следует также особо подчеркнуть, что официальная статистика абортот в России включает, следуя старой советской традиции, не только искусственные, но и самопроизвольные абортот (выкидыши) и внебольничные абортот (часть из них, скорее всего, тоже является самопроизвольными), в результате которых женщины поступила в стационар. Этим самым российские показатели завышаются относительно других стран, где в официальную статистику, как правило, попадают только легальные искусственные абортот.

Однако и без учета самопроизвольных абортот (или их части) Россия остается в ряду лидеров по распространенности абортот среднн стран, имеющих статистику прерванных беременностей (а это менее $\frac{1}{3}$ стран мира). Специальный коэффициент абортот в России в 3 раза выше, чем, например, в Швейцарии и Германии, вдвое выше, чем в Бельгии, Нидерландах, Словакии, Италии, Финляндии. Особенно сильное впечатление производит отставание России от соседней Белоруссии, где в начале 1990-х гг. показатель абортот был приблизительно на том же уровне, что и российский, а к 2015 г. стал вдвое меньше. Среди развитых стран в одной с нами группе по частоте абортот находятся сегодня Эстония, Швеция и США.

По мнению экспертов ВОЗ, самыми щадящими для здоровья женщины методами прерывания беременности являются вакуумная аспирация и медикаментозный (с применением лекарственных средств). Такой аборт ВОЗ называет очень безопасным медицинским вмешательством. В 2015 г. в учреждениях Минздрава России доля абортот, проведенных при помощи медикаментозного метода, составила всего 19,4% от всех искусственных абортот, выполненных по желанию женщины в срок до 12 недель беременности. Правда, за последние 10 лет эта доля существенно выросла. Медикаментозный метод прерывания беременности чаще применяется в частных клиниках, например, в 2015 г. их удельный вес среди абортот до 12 недель составил там 60%. Но частные клиники в России не играют большой роли в предоставлении услуг по проведе-

нию аборта. Для сравнения: в Англии медикаментозные аборт составляют свыше 60% всех абортов в сроки до 9 недель беременности, а в Швеции — 90%.

Большинство абортов в России по-прежнему выполняются хирургическим методом — кюретажем («выскабливанием»), который ВОЗ рекомендует использовать лишь в исключительных случаях, когда нет возможности применить другие методы или когда другие методы потерпели неудачу. Похвально, что Минздрав России наконец-то принял в 2015 г. Клинические рекомендации по проведению медикаментозного прерывания беременности, разработанные на основе международных стандартов и призванные способствовать более широкому внедрению современных методик прерывания беременности, безопасных для женского здоровья. Будем надеяться, что это поспособствует улучшению репродуктивного здоровья россиян.

Значительное снижение уровня абортов в постсоветский период произошло благодаря большим изменениям в массовом контрацептивном поведении россиян. По всей видимости, Россия пережила запоздалую «контрацептивную революцию», наблюдавшуюся в западных странах еще в 1960–1970-е гг.

Внутрисемейный контроль рождаемости — это та область, где в постсоветские годы произошли действительно революционные изменения; из страны «абортной культуры» Россия перешла в разряд цивилизованных стран, где планирование семьи играет намного большую роль, чем прерывание наступившей беременности. Тем более вызывает недоумение увеличивающийся «информационный шум» вокруг права россиянок на аборт. Последнее десятилетие отмечено в России целым рядом поправок в законодательство, направленных на ограничение права женщины на репродуктивный выбор, т.е. на свободное принятие решения относительно того, сколько иметь детей и когда. Так, дважды сокращался перечень показаний для аборта по социальным показаниям (в 2003 и 2012 гг.), в результате чего в перечне остался всего один пункт — беременность, наступившая в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 131 Уголовного кодекса РФ (изнасилование). В 1990-е гг. таких показаний было 13. В 2007 г. был сокращен перечень медицинских показаний для искусственного прерывания беременности. В 2011 г. согласно новому закону «Об основах охраны здоровья гражд-

дан в Российской Федерации» был введен специальный период времени между обращением женщины в медицинское учреждение по поводу аборта и самой процедурой — так называемая неделя тишины. В это время женщине рекомендуется пройти психологическое консультирование, основная цель которого — способствовать изменению ее решения о прерывании беременности в пользу рождения ребенка. С 2014 г. полностью запрещена реклама медицинских услуг по искусственному прерыванию беременности. В начале 2016 г. Минздрав России внес поправку в Порядок оказания медицинской помощи по профилю «акушерство и гинекология», добавив антигуманное условие — обязательную «демонстрацию изображения эмбриона и его сердцебиения при проведении УЗИ органов малого таза беременной женщины, обратившейся по поводу прерывания беременности». Пока принятые меры не привели к существенному ограничению доступности искусственного прерывания беременности, тем не менее тенденция тревожная.

В Государственной Думе находится на рассмотрении несколько инициатив, затрагивающих репродуктивные права, например предложение запретить производство аборт в частных клиниках, а также, что особенно важно, исключить аборты из программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, кроме аборт по медицинским показаниям. Предложения исключить аборты из программы госгарантий уже отклонялись Госдумой в 2004, 2011 и 2015 гг., но это не останавливает активных противников права на аборт, тем более что рекомендация исключить финансирование аборт из системы ОМС исходит от Патриарха Московского и Всея Руси.

Снизить уровень аборт до минимально возможного можно было бы мерами по повышению контрацептивной грамотности, развитием услуг по планированию семьи, сексуальным образованием. Однако в сознании многих российских политиков живет миф о том, что планирование семьи и доступная контрацепция ведут к снижению рождаемости, хотя этот миф легко опровергается примером многих европейских стран. В настоящее время серьезных мер по продвижению ответственного родительства в России не предпринимается.

В динамике рождаемости и уровня аборт нет синхронности, они не связаны между собой, что подтверждает и российский

опыт. В 1990-е гг. одновременно снижались и рождаемость, и количество абортотв; после 2000-х динамика абортотв и рождений имеет противоположное направление. Нет оснований говорить, что рождаемость растёт за счёт сокращения практики прерывания беременности, иначе почему рождаемость не росла в 1990-е гг.? Международнй опыт говорит о том же. Сегодня в Польше при почти полном отсутствии легальных абортотв рождаемость едва ли не самая низкая в Европе. В Ирландии, где абортотв запрещены, она такая же, как во Франции или Нидерландах, где они разрешены и покрываются базовой медицинской страховкой.

Семейная политика. Даже с учетом выплат материнского капитала затраты на семейные пособия в России относительно ВВП и денежных доходов населения в 2015 г. оставались низкими, и после 2012 г. этот показатель все более заметно уменьшался. Коэффициент индексации пособий не соответствовал росту цен, однако и средняя заработная плата начала уменьшаться, поэтому по отношению к ней значение пособий стало даже несколько увеличиваться.

В целом в 2015 г. становилось все более заметным, что российская семейная политика до некоторой степени теряет свое приоритетное для государства значение по сравнению с другими статьями расходов. Все чаще заходил разговор о необходимости возможной экономии государственных расходов, но по-прежнему не принимались законопроекты, которые бы резко сокращали расходы именно на семейную политику. На декларируемом уровне демографическое развитие оставалось одним из важнейших направлений заботы государства.

История учит нас тому, что в области как поощрительных, так и запретительных мер политики по отношению к рождаемости крайне трудно изобрести что-то новое. Кроме того, крайне трудно оценить их эффективность, и не только в связи с тем, что для этого нелегко придумать достаточно обоснованный механизм расчетов, но и потому, что фиксируемые в области рождаемости изменения могут объясняться другими процессами, происходящими в обществе одновременно с введением мер семейной политики. Ясно, однако, что попытки положительного воздействия на уровень и образ жизни семей, если они продуманы и действительно существенно меняют что-то к лучшему, обычно ведут к некоторому увеличению конъюнктурных показателей рождаемости (показате-

лей для условных поколений), иногда значительному — люди в благоприятных условиях начинают рожать несколько больше, даже если их об этом открыто не просят. С другой стороны, с некоторых пор такие благоприятные условия имеют границы с точки зрения увеличения рождаемости, которые связаны с развивающимися внесемейными социальными институтами — экономики и образования. Так, в обществе широко распространилась норма, согласно которой, скорее, необходимо прикладывать больше усилий (инвестировать) в каждого ребенка, чем растить «достаточно хорошо» большое их количество.

Важен также человек, на которого направлена политика. Когда-то это был только отец семейства. Сейчас существует много таких видов семьи, для которых выплаты только мужчине совершенно нерелевантны. С другой стороны, выплата государством «материнской зарплаты» женщинам за то, что они растят детей, дискриминирует и маргинализирует работающих матерей, а одинаковые выплаты всем женщинам в связи с рождением ребенка, наоборот, выделяют именно работающих женщин и вообще более обеспеченные классы по сравнению с более бедными и неработающими мамами. Поэтому, как правило, меры по поддержке семей с детьми в развитых странах вводятся после тщательных консультаций с экспертами, здесь необходимы гибкость и комплексный анализ разнообразных ситуаций.

Так или иначе, если люди уже привыкли к определенному набору мер семейной политики, что-то менять в нем нужно крайне осторожно, особенно в сторону понижения качества жизни семей. Рождаемость при этом, скорее всего, несколько снизится, но возможны и другие неблагоприятные последствия, которые сложно заранее предвидеть. В целом согласованное мнение международного сообщества специалистов заключается в том, что даже если непосредственное влияние семейной политики на рождаемость трудно доказуемо или невелико, семейная политика имеет значение не только с точки зрения общего благосостояния семей, но и с символической точки зрения, демонстрируя людям заинтересованность общества в их детях.

Смертность и продолжительность жизни. Число умерших в России в 2015 г. по сравнению с 2003 г. сократилось на 20,6%, при этом число умерших от болезней уменьшилось на 16,1%, а число

умерших от внешних причин (несчастных случаев, травм, убийств и самоубийств) — на 47,8%, что говорит о позитивных тенденциях предшествующих лет.

На восстановительный характер изменений смертности после 2003 г. указывает и динамика продолжительности жизни населения России: с 2003 по 2015 г. продолжительность жизни мужчин выросла на 7,40 года, а женщин — на 4,88 года. Существенно различаются по годам темпы роста продолжительности жизни, различны они в городах и сельской местности. Меньше всего в 2003–2015 гг. выросла продолжительность жизни сельских женщин (на 4,76 года), более всего — городских мужчин (на 7,42 года).

Анализ долговременных тенденций смертности показал, что достигнутый сегодня уровень ожидаемой продолжительности жизни для новорожденного, как мужчин (65,93 года), так и женщин (76,73 года), выше, чем когда-либо в прошлом. Росту продолжительности жизни существенно способствовало снижение детской смертности. В настоящее время продолжительность жизни 15-летних мужчин остается пока ниже, чем в 1957–1967 гг. и на пике антиалкогольной кампании в 1986–1988 гг., а продолжительность жизни 15-летних женщин наконец-то стала выше, чем когда-либо в прошлом.

Разница в смертности детей до 15 лет по сравнению с 1964 г. дала увеличение продолжительности жизни на 2,25 года у мужчин и на 2,0 года у женщин. Снижение смертности женщин в возрастах старше 65 лет дало 0,9 года, у мужчин — всего 0,1 года.

Основной вклад в рост ожидаемой продолжительности жизни у мужчин в 2003–2014 гг. внесли возраста 45–59 лет, примерно одинаковый, но значимо меньший — возраста 60–74 и 30–44 лет. В 2015 г. вклад детских возрастов (0–14 лет) увеличился в 1,7 раза по сравнению со средними значениями для периода 2003–2014 гг., вклад возрастов 15–59 лет неожиданно вырос до 0,49 года и стал выше среднего уровня 2003–2014 гг., а вклад возрастов старше 60 лет еще более уменьшился.

У женщин в 2003–2014 гг. основной вклад в рост ожидаемой продолжительности жизни внесли возраста 60–74 лет, затем шли возраста 45–59 и 75 лет и старше. Сравнение 2015 и 2014 гг. дает несколько другую картину: вклад детских возрастов заметно вырос, возраста 15–59 лет внесли положительный вклад, но существенно

меньший, чем у мужчин, а вклад возрастов 60 лет и старше, как и у мужчин, сошел на нет.

Источник роста продолжительности жизни в 2015 г. по сравнению с 2014-м у мужчин в значительной части концентрируется в средних возрастах и связан с болезнями системы кровообращения, в основном с ишемической болезнью сердца, но главным образом определяется внешними причинами смерти, прежде всего транспортными несчастными случаями и группой «другие внешние причины». Наблюдавшееся ранее подобное снижение смертности от транспортных несчастных случаев (2008–2010 гг.) и от «других внешних причин» (2008–2009 и 2011 гг.) происходило на фоне снижения алкогольной смертности. В 2015 г. алкогольная смертность оставалась стабильной. У женщин вклад обеих названных групп несуществен.

Начиная с 2000 г. детская смертность в России постоянно снижается, за исключением 2012 г., когда рост показателя был вызван изменением определения живорождения в России. Основной вклад в детскую смертность вносит смертность детей в возрасте до одного года. За последние полвека вклад младенческой смертности в детскую смертность сильно не изменился. В целом к 2015 г. российский уровень младенческой смертности (6,5‰) остается почти в 3–4 раза выше, чем в странах с минимальными ее значениями, а также существенно выше, чем во многих других развитых странах мира.

Основной вклад в снижение младенческой смертности за полвека внесла постнеонатальная смертность (69%), почти четверть (23,7%) — ранняя неонатальная, вклад поздней неонатальной смертности составил всего 7,3%. Однако в последние годы происходит постепенное превышение постнеонатальной смертности над ранней неонатальной, не характерное для других развитых стран, что еще раз подтверждает существование проблем в наблюдении, уходе, лечении детей в возрасте до одного года по разным периодам их жизни.

Новым вызовом для России стал быстрый рост числа как ВИЧ-инфицированных, так и умерших от СПИДа. В отличие от развитых стран Западной Европы ситуация в России развивается по самому неблагоприятному сценарию. По данным Росстата, в 2015 г. 15,1 тыс. человек в России умерли с диагнозом «болезнь, вызванная вирусом иммунодефицита человека (СПИДа)». Начиная

с 2007—2008 гг. ежегодное число умерших и мужчин, и женщин превысило 1000 человек. Стандартизованный по возрасту коэффициент смертности от болезни, вызванной ВИЧ, растет в геометрической прогрессии, примерно на 20% в год. Наблюдаемый тренд заставляет опасаться, что эпидемия станет серьезным демографическим и социально-экономическим вызовом для России на перспективу до 2035 г.

В России существует огромный разрыв в ожидаемой продолжительности жизни между регионами, особенно если рассматривать городское и сельское население каждого региона как независимый объект наблюдения. В 2003—2015 гг. разрыв между минимальным и максимальным значениями у мужчин колебался в интервале от 21,9 до 25,7 лет, у женщин — от 18,7 до 24,6 лет при общей тенденции к увеличению разрыва со временем.

Для достижения к 2018 г. уровня ожидаемой продолжительности жизни в 74 года, обозначенного в Указах Президента РФ от 7 мая 2012 г. «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения» и «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации», необходимо, чтобы в 2016—2018 гг. продолжительность жизни увеличивалась более чем на 0,85 года ежегодно. По нашим предварительным расчетам, рост продолжительности жизни в 2016 г. будет не более 0,7 года, а линия тренда предсказывает сокращение годовых приростов продолжительности жизни. Таким образом, достижение уровня продолжительности жизни в 74 года в 2018 г. нам представляется маловероятным, но не невозможным.

Международная миграция. По сравнению с 2005 г. миграционный оборот увеличился почти в 4 раза, а прирост — только в 2,3 раза. Рост миграционного оборота имел место в обмене как со странами СНГ, так и с другими зарубежными странами.

ФМС/МВД фиксирует в 2015 г. резкое сокращение миграции в ответ на ухудшение экономических условий с максимального за весь период с 2005 г. присутствия мигрантов в начале года до минимального в конце.

Экономический кризис привел к сокращению миграционного прироста России в обмене со всеми странами СНГ, кроме Украины. Впервые за постсоветскую историю Россия получила чистый отток населения в Узбекистан.

Возрастная структура миграции менялась волнообразно: в 2005 г. высокая доля нетрудоспособных — репатриационный характер потока; в 2010 г. высокая (даже максимальная) доля трудоспособных — трудовой характер миграции; в 2015 г. вновь возросшая доля пожилых в потоке иммигрантов, которая отражает, видимо, увеличение возраста выхода на пенсию в странах СНГ.

Важное нововведение 2015 г. в области трудовой миграции — патент на работу у юридических лиц для граждан СНГ. Однако в 2015 г. снизилось как количество оформленных разрешений на работу, так и патентов. Каждый второй мигрант, въезжающий в Российскую Федерацию на работу, никак не оформляет рабочий статус.

Общая тенденция отраслевой занятости — снижение доли занятых иностранцев в строительстве и выход на первое место сферы услуг. Распределение иностранных трудовых мигрантов по территории России меняется мало.

Обмен со странами дальнего зарубежья в 2005 г. носил репатриационный характер (общий итог для России был отрицательным); к 2010 г. эти процессы в основном завершились, Россия получила прирост; к 2015 г. произошла активизация перемещений в обе стороны, но имел место отрицательный прирост как следствие санкций в отношении Российской Федерации. Наиболее интенсивный обмен из стран дальнего зарубежья у России сложился с Китаем.

Значительные сдвиги в территориальном размещении мигрантов произошли с 2005 по 2015 г. Они отражают усиление поляризации территорий Российской Федерации по развитию. Имеет место сдвиг населения к западным и восточным границам России.

Для Крыма и Севастополя, новых субъектов РФ, характерно продолжающееся с распада СССР репатриационное движение депортированных в советское время коренных народов. В последние два десятилетия миграция является единственным источником роста населения Крыма, но и ее недостаточно для компенсации естественной убыли, в результате в структуре населения постепенно растет доля местных уроженцев.

Внутрироссийская миграция. Динамика числа внутрироссийских переселений, совершенных в 2015 г., показала, что рост объемов внутренних переселений, начавшийся в 2011 г. и связанный

в первую очередь с изменением порядка миграционного учета, по-видимому, прекратился. Ежегодный прирост сопоставимых чисел за 2015 г. по отношению к предыдущему составил 1,2%. Почти не меняются и масштабы участия россиян во внутренней временной трудовой миграции: согласно данным Обследования населения по проблемам занятости (ОНПЗ) на протяжении ряда последних лет они составляют 1,6–1,7 млн человек (без учета маятниковой (суточной) миграции).

Стабильность наблюдается и в направлениях межрегиональных перемещений: миграция по-прежнему перераспределяет население в пользу регионов, располагающихся на западе страны, прежде всего Центрального федерального округа. По сравнению с ситуацией 2005 г. сейчас миграционный прирост населения Центрального, Северо-Западного и Южного федеральных округов увеличился, соответственно возросли потери в результате внутрироссийской миграции остальных округов. На первое место по миграционным потерям сместился, обойдя Сибирский и Дальневосточный округа, некогда привлекательный Приволжский федеральный округ.

В целом после 2011 г. перераспределение населения между столицами и периферией еще более усилилось. Это заметно как на общероссийском уровне, между Москвой и Санкт-Петербургом и остальной территорией страны, так и на региональном уровне — в 2011–2015 гг. по сравнению с 2006–2010 гг. фиксируемый статистическим учетом приток в региональные столицы возрос в 2,4 раза. Этот поток обеспечила резко усилившаяся миграционная убыль малых, средних городов и сельской местности. Исключительно международная миграция продолжает «подпитывать» население всех типов поселений, но и ее увеличение в последние пять лет затронуло прежде всего крупнейшие города. Таким образом, в современной России продолжается концентрация населения в наиболее крупных городах.

Возрастные профили внутри- и межрегиональной миграции имеют схожие черты, но первая имеет и еще более выраженный пик в самых молодых возрастах, интенсивность миграции начинает возрастать уже в возрасте 15 лет. Пик межрегиональной миграции менее резко спадает после окончания обучения в вузах. По-видимому, в этом выражается особенность внутрироссийской миг-

рации молодежи: в пределах региона начинают переезжать либо в последних классах школы, либо при поступлении в учреждения среднего профессионального образования. По окончании вузов молодые люди чаще участвуют в межрегиональных перемещениях.

Позитивные демографические тенденции, отмечаемые еще недавно в России, постепенно затухают. Об этом свидетельствуют и наметившееся снижение рождаемости, и уменьшение миграционного прироста, и замедление роста продолжительности жизни, и нарастающие неблагоприятные изменения возрастного состава, которые затрудняют решение демографических и социально-экономических задач. Сохранение даже того небольшого положительного естественного прироста населения, который отмечался в 2013–2015 гг., практически невозможно. С большой долей уверенности можно полагать, что Россия вновь входит в длительную полосу сокращения общей численности населения, которое также будет сопровождаться сокращением численности населения в рабочих возрастах и быстрым увеличением числа пенсионеров. Все это происходит на фоне глубокого экономического кризиса, ограничивающего возможности эффективного воздействия на демографическую ситуацию мерами социально-демографической политики.

Тем не менее отказываться от проведения такой политики нельзя, потому что это может еще больше усугубить и без того непростые демографические проблемы России. В то же время, на наш взгляд, пришло время уточнить стратегические направления и приоритеты социально-демографической и миграционной политики, проведя трезвый анализ как достижений, так и неудач последних 10–15 лет.